

История

Методы социально-культурной политики советского государства в области преобразований традиционной праздничной культуры в селах и станицах юга России в 1920-е гг.

Сусанна Джамиловна Багдасарян

Сочинский государственный университет, Россия
354003, Сочи, ул. Советская, 26а
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: BSD73@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются методы социально-культурной политики советского государства при формировании новой праздничной советской культуры в южно-российской крестьянской среде в период 1920-х гг.

УДК 94.47

Ключевые слова: советский праздник, советская власть, традиционная крестьянская религиозная культура, деревня.

Несмотря на революционные потрясения начала XX в., уклад жизни российского (в частности, южно-российского) крестьянства к 1920-м гг. оставался преимущественно традиционным. Традиционализмом отличалась и праздничная культура, сохранявшая свою религиозность, православную обрядность (хотя и с элементами язычества, о чем, впрочем, крестьяне не имели представления), локальность, тесную связь с земледельческим циклом. К началу НЭПа в деревне сохранилась значительная часть того великого множества праздников, которые существовали в досоветской России.

По имеющимся данным, к 1861 г. перечень праздников и выходных русского крестьянина включал в себя не менее 95 дней, плюс к этому еще некоторое количество официально неучтенных праздничных и послепраздничных дней [1]. В пореформенный период численность таких праздников не уменьшилась, а увеличилась, по разным данным, от 275 до 288 в год [2]. По обоснованному мнению специалистов в области исследования русской деревни, праздники представляли собой действенное средство организации и упорядочивания сельской жизни, своеобразный комплекс методов укрепления социальных, межпоколенческих, индивидуальных связей, сплочения крестьянского «мира» и, в конечном счете, – залог стабильности сельского социума. В.И. Белов писал, что праздники придавали сельской жизни необходимый ритм, который «...проявлялся во всем, формируя и цикличность», причем «ритмичным был не только дневной, суточный цикл, но и вся неделя. А сезонные сельхозработы, праздники и посты делали ритмичным и весь год» [3]. Еще более четко по этому поводу выразился В.А. Бердинских, по словам которого «праздники перебивали монотонность будней, задавали жизни определенный ритм» и «как спицы в колесе, вращали привычное течение жизни, крут забот» [4]. Тем самым праздники выступали как своеобразная система координат цикличного течения сельской жизни. И, конечно, празднование тех или иных торжественных дат христианского календаря позволяло земледельцам не просто отдохнуть от тяжелых трудов, но возвыситься над обыденностью, уделить время общению с родственниками и соседями, почувствовать, так сказать, вкус жизни.

Праздничная культура досоветской деревни была религиозной, в связи с чем перечень сельских празднеств строился в соответствии с церковным календарем. Обязательно отмечались великие христианские праздники: Пасха, Рождество Богородицы, Рождество Христово, Крещение Господне, День Святой Троицы, Покров Пресвятой Богородицы и др. Из них наиболее значимыми для крестьянства (да, собственно, и для всего населения православной России) являлись Рождество Христово, Пасха, Троица. Широко праздновалась Масленица, языческие корни которой не помешали ей сохранить почетное место в православном календаре. Не менее важными являлись престольные праздники, посвященные тем святым или событиям истории христианства, в честь которых были названы церкви в тех или иных селах и станицах. Соответственно, престольные праздники были различны в разных

селах, станицах, а также тяготевших к ним деревнях и хуторах. Отмечалась и масса мелких церковных праздников; да, собственно, каждое воскресенье для сельских жителей также являлось сродни празднику, ибо в это время работать считалось грехом. Впрочем, в воскресенье все зависело от конкретной ситуации, и если работу откладывать было никак нельзя (скажем, пахоту или сев), то крестьянский рационализм оказывался сильнее установлений церкви и традиции.

С установлением советской власти одной из задач социальной политики молодого государства стало изменение культурных традиций населения. Конечно, наиболее глубокие корни традиционной культуры сохранялись в церковной среде, поэтому в 1920-е гг. лидеры компартии и властных структур РСФСР и СССР (в частности, партийно-советское руководство на Юге России) с целью искоренения устоявшегося веками уклада крестьянства и замены на новые ритуалы, основанные на коммунистической идеологии и утвержденные новой властью. Расценивая религию как «опиум для народа» и не без оснований видя в ней серьезного конкурента пропагандируемому ими марксистско-ленинскому учению (которое, как известно, и само вскоре приняло черты религиозной доктрины со своими непреложными догмами, богом-отцом, богом-сыном и штатом святых), большевики поставили своей целью создание светского государства. В Конституции РСФСР 1918 г. (п. 13 гл. 5) отмечалось: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» [5]. В п. 65 гл. 3 Конституции позиция советского государства по вопросу религии и церкви уточнялась: здесь указывалось, что к числу лиц, не могущих избирать и быть избранными в советы (то есть к числу лишенцев – юридически неполноправной категории в РСФСР и СССР) относились, помимо живущих на нетрудовые доходы, прибегающих к наемному труду и пр., еще и «монахи и духовные служители церковных и религиозных культов» [6]. Этот пункт Основного закона Советской России подчеркивал, что в «пролетарском» государстве дела со «свободой религиозной пропаганды» обстоит вовсе не так замечательно, как о том говорилось в гл. 5 того же документа и что большевики рассматривают религию и церковную организацию как враждебные себе силы, обреченные на уничтожение. Добавим, что недоброжелательное внимание советской власти привлекали и те крестьяне, которые принимали активное участие в деятельности сельских храмов в качестве церковных старост, псаломщиков и пр. В отличие от лиц духовного звания, крестьяне-активисты могли и сохранить за собой избирательные права, не всегда превращаясь в лишенцев; но их ждало повышенное налогообложение как «социально-чуждых» лиц. Можно привести в пример одно весьма показательное событие, произошедшее в Ставропольской губернии осенью 1924 г. В это время нарком земледелия СССР А.П. Смирнов прибыл в пострадавшие от недорода районы Ставрополя. Помимо других вопросов, Смирнов принимал и выслушивал местных крестьян, обращавшихся к нему с различными просьбами и жалобами. В числе просителей оказался пожилой крестьянин, утверждавший, что ему необоснованно предъявили завышенные задания по выплате единого сельхозналога (ЕСХН). Реакция наркома земледелия на это обращение зафиксирована в газете «Молот»: «А вы раньше церковным старостой не были? – спрашивает т. Смирнов. – Да я и теперь [отвечает старик]... Хохот... смеется и т. Смирнов» [7]. Какая уж тут свобода религиозной агитации!

В общем русле борьбы с религией в СССР проходило последовательное вытеснение религиозных компонентов из праздничной культуры и постепенная замена церковных праздников гражданскими, призванными напоминать населению о славных вехах мирового коммунистического движения и становления советской власти. В октябре 1923 г. ЦК РКП(б) принял специальное решение об антирелигиозной пропаганде в деревне, где сформулировал необходимость «отвлечения [крестьянства] от культа путем организации культурных развлечений, сосредоточения внимания на пролетарских праздниках и торжествах... замены религиозных отправлений формами гражданского быта, как-то: религиозных праздников – гражданскими производственными праздниками (например, праздник урожая, посева и т.д.), таинств – торжественными отправлениями гражданских актов с участием (при условии отказа от церковного ритуала) культурно-просветительных учреждений, как, например, гражданских похорон, панихид, брака, наречения имени и принятия в гражданство (запись рождения) и т.п.» [8]. Для выполнения этих задач были мобилизованы не только партийно-советские работники, но и сельская общественность в лице интеллигенции, членов коммунистического союза молодежи (комсомола), пионерии.

Сельская интеллигенция (учителя, агрономы) в силу своего образовательного уровня могла сыграть важную роль в антирелигиозной работе. Однако, по печальным признаниям большевиков, нередко представители интеллигенции не разделяли их огульно-враждебного отношения к «проклятому прошлому» во всех его проявлениях и стремились дистанцироваться от радикальных мероприятий новой власти типа чрезвычайно грубых, издевательских нападков на церковь, священнослужителей и православную веру. В этой связи наибольшие надежды в ходе преобразований сельской повседневности и культуры в соответствии с идеалами социализма возлагались лидерами РКП(б) на членов сельских ячеек компартии, местных советских работников, а также на крестьянскую молодежь.

Большевики справедливо полагали, что «носителями новых идей является молодежь» [9], вне зависимости от того, сельская она или городская: ведь, в отличие от представителей старших поколений, сознание молодых людей представляло собой своего рода *tabula rasa* и было открыто новым идеям. Более того, уже в силу возраста молодежь проявляет повышенную склонность к переменам, что было чрезвычайно важно для большевистских модернизаторов. Поэтому именно с молодежью, а не со старшими поколениями большевики связывали свои надежды на построение нового общества, о чем в источниках содержится немало свидетельств. Так, в 1920 г. члены Донского комитета РКП(б) твердо заявляли, что «дальнейшее укрепление Советской власти может основываться только на молодом поколении» [10]. О том же говорили участники проходившего в первой половине февраля 1924 г. при Донецком окружкоме РКП(б) совещания секретарей сельских ячеек компартии, полагавшие, что необходимо опираться на молодежь и что «не нужно гнаться за воспитанием стариков, они от нас уходят» [11]. Не удивительно, что ударным отрядом в проведении антирелигиозной работы в деревне (как, впрочем, и городах) считались комсомольцы, рассматривавшиеся своими старшими товарищами, членами коммунистической партии, в качестве передовых представителей сельской молодежи.

Помощниками комсомольцев в деле построения «светлого будущего», борьбы с пережитками «проклятого прошлого» и среди них – с религиозностью сельского населения должны были выступать пионеры, которых в советской прессе иногда ласково именовали «большевичата, ленинские внучата» [12]. Правда, в 1920-х гг. масштабы пионерского движения на селе не удовлетворяли представителей советской власти. В одной из публикаций в газете «Молот» за сентябрь 1924 г. отмечалось: «В то время как в городе детское коммунистическое движение сильно развилось и охватило значительное количество пролетарских детей, в деревне это движение еще находится в зародышевом состоянии...» [13]. Поскольку сельские дети, указывалось далее в публикации, демонстрируют стремление к формированию пионерских организаций, «помочь им должны, вместе с комсомольцами и партийцами, пионерские отряды города. ...Со своей стороны, из города мы должны двинуться в деревню, рассмотреть, разузнать, как там живут и вместе с тем помочь деревенским детям. – Ни одной экскурсии в деревню без книжек, без «Ленинских внучат» – подарка деревенским товарищам!...» [14]. Результатом таких мер стал постепенный рост численности сельских пионерских организаций на Дону, Кубани и Ставрополье.

В процессе осуществления антирелигиозных мероприятий в деревне на протяжении 1920-х гг. можно выделить несколько этапов, различающихся как методами богоборцев, так и степенью радикализма их действий. Надо сказать, что первые попытки дать периодизацию борьбы с религией в Советском Союзе предпринимали уже современники событий (Чистяков), определяя 1919–1921 годы периодом агрессивных методов пропаганды и антирелигиозных кампаний. На смену первому периоду и в противоположность ему вступил период второй с основными лозунгами: «не оскорбляй чувства верующих», «углубляй антирелигиозную пропаганду на основе естественно-научных знаний». И, наконец, третий период, переживаемый теперь, характеризуется почти полным застоєм, небывалым затишьем в антирелигиозной пропаганде» [15].

Действительно, в рамках первого этапа борьбы с религией в Советской России (1918–1922 гг.) господствовали весьма эпатажные методы: пародийные шествия и празднества, насмешки и глумление над православными святынями, священнослужителями и просто верующими, прямая порча церковного имущества и т.п. Лидерам компартии, равно как и руководителям региональных партийных организаций Дона, Кубани и Ставрополья, пришлось признать: «Мы в антирелигиозной работе обожглись в некоторых местах, когда народ за эту работу начал посылать на нас проклятия» [16]. Поэтому с 1923 г. большевики на

некоторое время отказались от «крикливых, в порядке партизанского набега, проводимых форм антирелигиозной пропаганды», которая «только озлобляла крестьян» [17]. Упор был сделан на планомерную научно-просветительную деятельность, которая должна была осуществляться без каких бы то ни было оскорбительных выходов в отношении верующих. Действуя в русле новой тактики, члены Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) в июне 1923 г. направили письмо всем обкомам, губкомам и региональным оргбюро компартии, в котором говорилось о необходимости «крайне осторожного и тактичного подхода к вопросу о борьбе с религиозными предрассудками крестьян и отсталой части рабочих... Антирелигиозная агитация и пропаганда должны иметь научно-просветительный и конкретно разоблачающий характер (печать, кружки, лекции, доклады, театры, кино)» [18]. Вышеприведенные высказывания свидетельствуют, что новые тактические приемы антирелигиозной работы внедрялись в советской (в частности, южно-российской) деревне на протяжении ряда лет. В ряде случаев, помимо бесед и лекций, проводились показательные разоблачения о недобросовестности священнослужителей. Проблема, однако, состояла в том, что хулиганские действия комсомольцев не прекратились и после декларирования уважительного отношения к чувствам верующих. Как правило, такие методы антирелигиозной пропаганды в деревне не подвергались какому-либо серьезному наказанию со стороны комсомольского или партийно-советского начальства. Подобные методы убедительно свидетельствовали о сохранявшемся во властных структурах РСФСР и СССР крайне негативном отношении к религии, церкви и верующим. Временное смягчение антирелигиозной политики являлось лишь вынужденным отступлением перед недовольством крестьянства, временной тактической уловкой, которая в любой момент могла смениться новым ожесточенным этапом богоборчества.

Как видим, антирелигиозная работа в деревне представляла собой перманентный процесс на всем протяжении 1920-х гг.; менялись только методы ее проведения. Поскольку и религия, и церковная организация являлись не просто важными составными, но и базовыми компонентами сельской праздничной культуры, антирелигиозные мероприятия советской власти ударяли и по традиционному крестьянскому празднику.

Примечания:

1. Миронов Б. Время – деньги или праздник? Трудовая этика российских крестьян // Родина. 2001. № 10. С. 63.
2. От Торгово-промышленной партии. Дополнение программы // Партии российских промышленников и предпринимателей. Документы и материалы. 1905–1906 гг. / Сост. В.Ю. Карнишин. М., 2004. С. 143.
3. Белов В. Лад и ритм // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. С. 229, 231.
4. Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. М., 2001. С. 78, 80.
5. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. М., 1918. С. 5.
6. Там же. С. 13.
7. Нарком земледелия тов. Смирнов в неурожайных местностях Ставрополя // Молот. 1924. 26 сент.
8. Брудный В.И. Обряды вчера и сегодня. М., 1968. С. 66-67.
9. Л.В. Среди книг // Молот. 1924. 5 сент.
10. ЦДНИ РО, ф. 4, оп. 1, д. 4, л. 12.
11. ЦДНИ РО, ф. 75, оп. 1, д. 47, л. 4а.
12. Огниев И. Краснодар комсомольский // Молот. 1924. 14 сент.
13. Синеглазова И. Крепче связь с крестьянскими детьми // Молот. 1924. 6 сент.
14. Синеглазова И. Крепче связь с крестьянскими детьми // Молот. 1924. 6 сент.
15. Чистяков В. Об антирелигиозной пропаганде // Коммунистическое просвещение. 1927. № 2. С. 67.
16. ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 72, л. 114.
17. ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 70, л. 155.
18. Так, некий Дильденкин заявлял в марте 1926 г., что «крестьяне к комсомольцам относятся хорошо – это как правило. Но есть и отдельные случаи скверного отношения к

комсомольцам. Последние же наблюдаются исключительно среди кулаков» (Дильденкин. Только кулаки считают комсомольцев хулиганами // Молодой ленинец. 1926. 31 марта).

Methods of Soviet Welfare Policy, Concerning Reforms of Traditional Festival Culture in Southern Russia's Rural Areas and Villages in 1920th

Susanna D. Bagdasaryan

Sochi State University, Russia
354003, Sochi, Sovetskaya st., 26a
PhD (History), Assistant Professor
E-mail: BSD73@mail.ru

Abstract. The article considers methods of welfare policy of the Soviet state in southern Russia's peasants' environment at the time of new festival culture forming in 1920s.

Keywords: Soviet holiday, Soviet authority, traditional peasants' religious culture, village.

UDC 94.47
